

Москва — моя новая родина

АЛЬБЕРТО САНЧЕС

Давно уже всем сердцем я стремился к Москве. Но судьба всегда жестоко и неожиданно расстраивала мои планы. Еще в 1925 году, когда я, рабочий-булочник, только дилетантски занимался скульптурой, я был избран в состав первой испанской рабочей делегации в СССР. Но полиция Примо де Ривера, как только моя фамилия была напечатана в газетной хронике, немедленно арестовала меня, обвинив меня в... грабеже. Так расстроилась моя первая поездка в Москву.

В 1934 году мои товарищи, и в первую очередь Пасионария, усиленно советовали мне поехать в Москву, серьезно взяться за учебу, для того, чтобы стать настоящим художником. Еще до того были устроены мои выставки (скульптурные и живописные) в Мадриде и других городах Испании. Я с величайшим воодушевлением готовился к поездке, но вдруг вспыхнуло астурийское восстание горняков, и мне пришлось принять непосредственное участие в вооруженной борьбе испанского пролетариата против надвигающегося фашизма.

С началом гражданской войны 1936 года я, уже тогда профессиональный художник, вступил в ряды республиканской гвардии, а затем стал бойцом знаменитого Пятого полка, которым командовал наш славный товарищ Листер.

Сейчас я в Москве. Но я себя не чувствую эмигрантом. Всем своим сознанием я ощущаю, что борьба за республиканскую Испанию не кончилась. Она перешла в новую фазу и приняла новый характер. Борьба всего мирового пролетариата за свое освобождение, торжество социализма в стране Советов, каждый новый шаг СССР к грядущему коммунистическому строю — это одновременно и борьба за освобождение Испании и ее героического трудового народа. Борьба продолжается, и победа впереди!

*

Я говорю о Москве, как о своей второй родине. Для меня Москва стала, после непосредственного знакомства с нею, синонимом всего того, из чего складывается понятие родины у художника, работника искусства. Городской пейзаж и встреча с людьми, размышления над характером новой московской архитектуры и мое собственное самочувствие в театре, куда я приглашен работать художником, факты искусства и политики, повседневного быта — все это сплетается в единую картину, в единое конкретное мироощущение. И все это вместе взятое есть мое ощущение Москвы, второй моей родины.

Поразил меня московский пейзаж не только своими древнерусскими сооружениями (Кремль и др.), но и своим новым, исключительно современным видом. Во всех концах Москвы идет интенсивный процесс нового строительства. Каждый день видишь, как меняется облик улицы, переулка, площади, какого-то кусочка города, и я говорю себе:

— Вот, Альберто, ты присутствуешь при своеобразном процессе возникновения нового города будущего!

Московские мосты! Есть какая-то необы-

чайная легкость и красота в этих мощных фермах, соединяющих два берега реки, носящей имя «Москва». Как-то я недавно шел по Каменному мосту и остановился, облокотившись о перила, чтобы взглянуть на весенний ледоход и на дальнюю городскую перспективу. Я увидел строительную площадку Дворца Советов. Все выглядело совсем не парадно на этой территории, где закладывается фундамент величайшего сооружения мира. И это отсутствие парадности, эта строительная будничность и вдохновляют меня. Сотни людей, воодушевленные идеями великих Ленина и Сталина, возводят основание огромного дворца — на радость и пользу всего народа, всего трудящегося человечества.

*

Подлинный обетованный край, страна радостей — это для меня советский театр. Я перевидал еще далеко не все, что можно и должно смотреть в театрах Москвы, но и виденное дало мне много впечатлений. Я видел в театре им. Вахтангова спектакль «Человек с ружьем». Игра Щукина и Симонова, создавших образы людей, которых я никогда не видел на таком непосредственно близком расстоянии от себя, потрясает. Правда, появление величайших вождей мировой революции на подмостках сцены требует иной театральной обстановки, не столь ограниченной, камерной, как это по необходимости бывает в театре. Огромные массовые сцены, большое движение пространств и расстояний, то, что есть в кинофильмах о Ленине и Сталине, — необходимый органический компонент героических зрелищ о вождах народов, о руководителях борьбы за революционное переустройство мира.

Своеобразные размышления охватили меня, когда я переступил порог Государственного Еврейского театра в Москве. Более 400 лет тому назад испанская инквизиция изгнала евреев из моей страны. Такой откровенной бескомпромиссной ставкой на физическое и культурное уничтожение целого народа мир не знал от времен Торквемады до дней Гитлера и Муссолини. И вот я, испанский художник, сын своей родины, пришел полюбоваться искусством народа, который пережил и Торквемаду и, я уверен, переживет и нынешних правителей Берлина и Рима. Вот передо мной еврейские актеры, вот передо мной уголок еврейской социалистической культуры. Разве это не означает, что все живое, человеческое, против чего ополчается фашизм современный, как и мракобесие прошлого, переживает своих гонителей. Человечество и культура его бессмертны, фашизм — только звериная гримаса на лице отмирающих социальных классов.

Декорации «Короля Лира» в Госете — это подлинно новое слово в области художественного оформления спектакля. Лестницы, колонны, деревянная скульптура

— все это выражает сказочный и философский, реалистический и условный характер постановки. Михоэль и Зускин — замечательные актеры. Такой глубины и остроты, такого трагического пафоса мне не приходилось наблюдать в игре западноевропейских актеров.

И вот я в Цыганском театре «Ромэн». На постановке пьесы моего соотечественника и друга Федерико Гарсиа Лорки. В Испании автора «Кровавой свадьбы» считают продолжателем традиции высокой трагедии Кальдерона, Тирсо де Молина, Лопе де Вега. Постановка пьес Лорки на сцене — дело чрезвычайно сложное, трудное, требующее большой актерской культуры. И, сидя на премьере в Цыганском театре, я глубоко сожалел, что рядом со мной нет автора пьесы (зверски замученного фашистами «испанской фаланги»). Идея глубокого трагического конфликта двух любящих сердец — самое важное и характерное в пьесе — с необычайной четкостью воспроизведена на сцене Цыганского театра.

Я работаю художником в Камерном театре. Это дело для меня не новое. Я оформлял многие спектакли в различных театрах в Мадриде и в других городах Испании. Но в Испании, работая в театре, я знал только своего заказчика-директора, который относился ко мне, как к обыкновенной «рабочей силе». Всякие творческие интересы, художественные соображения театрального живописца вызывали в лучшем случае только ироническую улыбку или выражение досады со стороны руководителей театра.

В Камерном театре меня поразило то, что в создании спектакля принимает участие весь коллектив. К моим указаниям, советам, замечаниям художника все, от режиссуры до рабочих костюмерной и осветительных мастерских, относились с величайшим вниманием. И я знаю, что Камерный театр в этом отношении не представляет исключения. Такова общая коллективно-творческая атмосфера, царящая во всех советских театрах.

Я изъездил за свою жизнь много стран. Но и в Англии, и во Франции, Португалии, Африке я всегда чувствовал себя иностранцем. В Москве я чувствую себя так, как я бы себя чувствовал на своей родине.

Я люблю ходить на Красную площадь, по своей архитектурной планировке едва ли знающей себе что-либо равное во всех столицах мира. Я гляжу на кремлевские башни и рубиновые звезды над ними. Я люблю строгой и гармоническими чертаниями мавзолея Ленина. Здесь народы Советской страны соорудили нерушимый памятник великому человеку, имя которого стало знаменем трудящихся и освобожденных всех стран света. Какое прекрасное, какое величественное в своей простоте архитектурное сооружение! И как прекрасен, как велик дух человека, лежащего в мавзолее! Дух этот жив — говорю я себе — и дело Ленина находится в верных руках всего советского народа, руководимого в его повседневной борьбе за торжество коммунизма великим и мудрым Сталиным.